

Женя Черняк

Точка невозврата

3

Женя Черняк

Точка невозврата 3

«Литнет»

2026

Черняк Ж.

Точка невозврата 3 / Ж. Черняк — «Литнет», 2026

Я думала, что выживание — это когда ты становишься сильнее всех. Когда строишь стены. Когда учишься использовать людей, чтобы они не использовали тебя. Мы с Тиной построили клуб для тех, кого мир назвал мусором. Девочки, которые привыкли быть невидимками, приходили к нам, чтобы стать хищниками. Мы давали им задания: соблазнить препода, переспать с двумя парнями за ночь, доказать, что они могут всё. Мы смотрели, как они ломаются и воскресают. Мы думали, что строим империю. Потом появился Андрей. Он не такой, как другие мужчины. В нём нет наглости, нет желания брать. Он смотрит на нас как на текст, который хочет прочитать до конца. Он говорит, что сломлен, как мы. Что ему тоже нужно место, где можно быть слабым. Тина верит ему. Я — нет. Я даю ему задание, которое невозможно выполнить. Срок одна неделя. Теперь он в клубе. Теперь он между нами. Теперь я вижу его лицо во сне, и ненавижу себя за это. Теперь Тина смотрит на него так, как раньше смотрела только на меня. Война неизбежна. Две хищницы не могут делить добычу. Клуб, который мы построили из обломков, превращается в арену. И в этой битве победитель будет только один. Вопрос — кто именно. Роман в жанре психологической прозы с элементами эротики. Повествование от первого лица. Жёсткий, метафоричный язык, подробные сцены, философские размышления. Для очень взрослой аудитории.

© Черняк Ж., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Стены из плоти	5
Глава 2. Волчья стая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1. Стены из плоти

Общежитие — это не здание. Это диагноз.

Пять этажей серого бетона, сложенных в форме буквы «П», как будто архитектор хотел обнять всех, кто сюда попадёт, но в последний момент передумал и оставил только намёк на объятие. Окна — квадратные глаза, которые смотрят на парковку, на мусорные баки, на вечно мокрый асфальт. Внутри коридоры. Длинные, прямые, освещённые лампами дневного света, которые делают кожу мертвенно-бледной, а тени неестественно чёткими. Здесь нет углов, где можно спрятаться. Только двери. Много дверей. За каждой хранится чужая жизнь, чужие тайны, чужие запахи.

Запах этого коридора представляет собой смесь дешёвого стирального порошка, жареной картошки из столовой на первом этаже и чужого пота. Иногда добавляется дым, если кто-то курит в туалете, или алкоголь, если у кого-то день рождения. Но базовый аромат остаётся неизменным: порошок, еда, тела. Химия, биология, жизнь. Всё, что нужно человеку, чтобы не сдохнуть. И всё, что нужно, чтобы чувствовать себя куском мяса в общей морозилке.

Моё мясо сейчас лежит на кровати в комнате 423. Двадцать лет, женский пол, группа крови вторая положительная. Внутренние органы в порядке, если не считать тех, что давно заменены на ледяные глыбы. Кожа без шрамов, если не считать тех, что нарисованы под ней. Тело, которое помнит руки, губы, пальцы, запахи. Тело, которое однажды стало полем битвы, а потом трофеем. Тело, которое я теперь использую как оружие.

Но об этом позже.

Сейчас в моей голове только бетон, лампы, запах стирального порошка и тишина. Тишина в общежитии — это тоже диагноз. Она никогда не бывает полной. Где-то за стеной играет музыка, где-то кричат, где-то плачет девушка, которую бросил парень, где-то шуршит презерватив, который открывают зубами. Тишина здесь просто пауза между звуками. Как между ударами сердца. Как между вдохами.

Я иду по коридору. Мои ботинки стучат по линолеуму, и каждый шаг звучит как выстрел. Я ношу тяжёлую обувь, потому что хочу, чтобы меня слышали. Чтобы знали: идёт кто-то, кто не будет прятаться. Кто не будет сжиматься в комок, когда мимо проходят парни. Кто не будет опускать глаза в столовой, когда девчонки перешёптываются за спиной. Мои ботинки — это моя артиллерия. Моя броня. Моя подпись.

В комнату 423 я вхожу без стука. Потому что это моя комната. Моя крепость. Моя матка. Моя утроба.

Тина уже здесь. Она сидит на своей кровати, поджав ноги, и красит ногти в чёрный цвет. Жидкость пахнет ацетоном, и этот запах перебивает даже порошок и картошку. Она поднимает голову, когда я захожу, и улыбается. У неё улыбка как нож, такая же тонкая, острая, опасная. Но сейчас она улыбается мне, а не режет.

— Опоздала, — говорит она. — Я уже начала без тебя.

— Ничего не начинай без меня. Это наш клуб.

— Клуб, — она смеётся. — Ты говоришь об этом как о церкви.

— А что это, если не церковь? Место, где грешники получают прощение. Где слабые становятся сильными. Где мёртвые воскресают.

Тина качает головой, но не спорит. Она знает, что я права. Мы построили этот клуб из обломков наших жизней, и теперь он единственное, что держит нас на плаву.

Я сажусь на свою кровать — напротив. Наши кровати стоят по разные стороны комнаты, но мы спим всегда на одной. На моей. Или на её. Неважно. Главное — вместе. Потому что ночью, когда коридоры затихают, а лампы гаснут, остаётся только тьма и мы. И в этой тьме мы

снимаем всё. Броню, маски, кожу. Остаёмся просто мясом, которое дышит, и костями, которые помнят.

— Кто сегодня? — спрашиваю я.

— Алиса, — Тина ставит лак на тумбочку. — Первый курс, филология. Тихая. Сутулая. Очки. Грудь — ноль. Самооценка — минус бесконечность.

— Идеальный материал.

— Идеальный, — соглашается Тина. — Она сама пришла. Сказала, что слышала о нас. Что хочет стать сильной.

— Все хотят стать сильными. Вопрос лишь в том, готовы ли они заплатить цену.

— Ты думаешь, она не готова?

— Я думаю, что готовность проверяется делом, а не словами.

Тина смотрит на меня. В её глазах тот самый огонь, который заставил меня когда-то довериться ей. Огонь, который не горит, он жжёт. Он выжигает всё лишнее, оставляя только суть.

— Ты права, — говорит она. — Поэтому я уже приготовила задание.

— Какое?

— Преподаватель философии. Седой, старый, женат. Третий год тайком смотрит на студенток, но никогда не прикасается. Идеальная мишень.

— Слишком идеальная, — замечаю я. — Такие обычно или ломаются сразу, или не ломаются никогда.

— Посмотрим, — Тина пожимает плечами. — Если не справится, значит, не судьба.

Мы замолкаем. В комнате пахнет ацетоном, моим потом после тренировки, её духами, сладкими, как яд. Я смотрю на Тину и думаю о том, как мы дошли до этого.

Я знаю её всего несколько месяцев, но кажется, что всю жизнь. Она появилась в моей комнате в тот день, когда я думала, что моя жизнь кончена. Когда я была жертвой, притворяющейся хищником. Она вошла без стука, как и я сейчас, и сказала: «Я знаю, что никакого изнасилования не было». Или как-то по-другому. Теперь уже не вспомню. Но я замерла. Потому что в тот момент я думала, что сейчас меня уничтожат. А она сказала: «Я хочу с тобой дружить».

С тех пор мы не расставались. Она стала моей тенью. Моим зеркалом. Моей второй половиной, которую я не знала, что ищу. Мы говорим друг другу то, что не сказали бы никому. Мы знаем тайны, которые похоронили бы любого. Мы держим друг друга на плаву, и в этом держании есть что-то большее, чем дружба. Это не любовь — это зависимость. Не секс, ведь это инстинкт. Стая. Мы волки, а волки не выживают в одиночку.

— Милан, — Тина прерывает мои мысли. — Ты сегодня какая-то странная.

— Странная?

— Отстранённая. Как будто ты здесь, но тебя нет.

— Я здесь, — говорю я. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, сколько ещё мы сможем это делать.

— Что — это?

— Играть в игры. Использовать людей. Ломать их, чтобы сделать сильнее.

Тина смотрит на меня долго. Потом встаёт, подходит, садится рядом. Её плечо касается моего. Я чувствую тепло её тела. Оно живое, настоящее. Не то, которое я вижу в коридорах, где все ходят как зомби.

— Мы не ломаем, — говорит она тихо. — Мы даём шанс. Тем, кто хочет вырваться. Тем, кто устал быть жертвой. Помнишь, какой ты была до клуба?

Помню.

Я была тряпкой. Мясом, которое думало, что оно человек. Я позволяла парням делать со мной что угодно, потому что думала, что это и есть любовь. Я улыбалась, когда хотелось

плакать. Я раздвигала ноги, когда хотелось бежать. Я была удобной. Доступной. И они использовали меня, а потом выбросили, как мусор.

А потом уже я стала хищником. Я придумала историю, которая отправила их в тюрьму. Я смотрела, как их уводят в наручники, и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Не жалость. Страх. Я поняла, что могу всё. Что нет предела жестокости, если ты достаточно напуган.

И тогда появилась Тина.

Она не спасла меня. Она показала мне, как спасти себя саму.

— Помню, — отвечаю я. — Поэтому я здесь.

— Поэтому мы здесь, — поправляет она.

Я смотрю на её пальцы — чёрные ногти, которые она только что покрасила. Она всегда красит их в чёрный. Говорит, что это цвет ночи, а ночь — единственное время, когда она чувствует себя собой.

— Когда встреча с Алисой? — спрашиваю я.

— Сегодня. В десять. Четвёртый этаж, аудитория 412.

— Там же нет стульев.

— Там маты. Свечи. Запах кожи. Всё, как мы любим.

— Ты установила камеру?

— Давно.

Я киваю. Встаю, подхожу к окну. За ним вечер. Фонари зажигаются один за другим, и их жёлтый свет разбивается о лужи. Весна в этом городе не время цветения, а время грязи. Снег тает, обнажая всё, что было спрятано: окурки, презервативы, раздавленные банки. Мёртвые листья, которые не успели сгнить.

— Она справится, — говорит Тина за моей спиной.

— Откуда знаешь?

— Потому что она пришла. Сама. Значит, в ней есть то, чего нет у других.

— Или она просто хочет быть в тренде.

— В тренде всегда быть жертвой. А она хочет быть хищником.

Я оборачиваюсь. Тина уже надела чёрную водолазку, обтягивающую, как вторая кожа. Она знает, что ей идёт чёрный. Знает, как использовать своё тело. Не как оружие, как нечто большее. Как приманку. Как угрозу. Как обещание.

— Пора, — говорит она.

Мы выходим в коридор. Лампы дневного света всё так же мертвенно-бледны. Где-то за стеной всё ещё плачет девушка. Где-то открывают презерватив. Где-то играет музыка. Наш мир — это слои звуков, запахов, страхов. Мы идём сквозь них, не касаясь. Мы уже не здесь. Мы уже там.

Четвёртый этаж. Аудитория 412.

Тяжёлая дверь, которая скрипит, как старая раковина. Внутри темнота, свечи, маты, и запах кожи. Я не знаю, откуда он берётся. Может, от сумок, которые мы приносим. Может, от нас самих.

Алиса уже здесь. Она сидит на мате, поджав колени к груди, и смотрит на нас большими глазами за толстыми стёклами очков. Она маленькая, сутулая, незаметная. Таких не замечают в коридорах, в столовой, в аудиториях. Таких замечают только тогда, когда они перестают существовать.

— Ты пришла, — говорю я. — Это уже половина успеха.

— Я хочу... — голос у неё тихий, как шорох. — Я хочу стать сильной.

— Сильной для чего? — спрашиваю я. — Чтобы мстить? Чтобы защищаться? Чтобы доказать, что ты существуешь?

Она молчит. Думает. Потом говорит:

— Чтобы существовать.

Тина улыбается. Я вижу, как ей нравится этот ответ.

— Хорошо, — говорю я. — Тогда слушай задание. На первом этаже, в кабинете 108, работает преподаватель философии. Ему под шестьдесят, он носит серые костюмы и пахнет... нафталином. Он женат, у него двое детей, он никогда не изменял жене. Он смотрит на студентов, но не прикасается. Твоя задача соблазнить его. Сегодня. Сейчас.

Алиса бледнеет.

— Я не... я не знаю как...

— Знаешь, — перебиваю я. — Ты женщина. У тебя есть тело. Губы. Глаза. Руки. Используй их.

— А если он откажется?

— Если он откажется, ты выйдешь и больше никогда не придёшь сюда. Потому что ты не готова.

— А если... если он согласится?

— Если он согласится, ты сделаешь это. А мы будем смотреть.

Она смотрит на меня. В её глазах застыл страх. Но есть ещё что-то. Желание. Не сексуальное, а другое. Желание перестать быть невидимкой.

— Хорошо, — шепчет она неуверенно.

Тина протягивает ей телефон.

— Мы установили камеру в его кабинете. Иди. Мы будем здесь. Мы увидим всё. И запомним.

Алиса берёт телефон. Её пальцы дрожат. Она встаёт, идёт к двери. У порога останавливается.

— А если он... если он сделает больно?

— Не сделает, — говорю я. — Такие, как он, не делают больно. Они только берут то, что им дают. Дай ему, и он твой.

Она уходит. Дверь закрывается.

Мы с Тиной остаёмся одни. Она открывает приложение на своём телефоне, и экран загорается картинкой — кабинет 108. Книжные полки, стол, лампа. Преподаватель сидит, что-то пишет. Он не знает, что за ним следят. Что сейчас к нему придёт девушка, которая перевернёт его мир.

— Думаешь, справится? — спрашивает Тина.

— Даже не знаю, — честно отвечаю я. — Но мне интересно.

Мы смотрим. На экране появляется Алиса. Она входит в кабинет, закрывает за собой дверь. Преподаватель поднимает голову. На его лице застывает удивление.

— Здравствуйте, — говорит Алиса. Голос дрожит, но она старается.

— Добрый вечер, — отвечает он. — Что-то случилось?

— Я... я хотела спросить... — она мнётся, и я вижу, как её пальцы сжимают край юбки. — Я хотела спросить о вашей лекции. О Канте. О том, что... что мы сами создаём свою реальность.

— Да, это интересная тема, — он откладывает ручку. — Вы хотите обсудить её сейчас?

— Да, — она делает шаг вперёд. — Я хочу... я хочу понять, как это работает. Если я создаю свою реальность, значит ли это, что я могу быть кем угодно? Делать что угодно?

— В определённых пределах, — он улыбается. У него добрая улыбка. Я знаю таких. Они кажутся добрыми, пока не покажешь им свою слабость.

— А если я хочу... — Алиса подходит ближе. Я вижу, как она расстёгивает пуговицу на блузке. Одну. Вторую. — Если я хочу быть... желанной?

Преподаватель замирает. Его взгляд скользит по её шее, по ключицам, которые открываются вместе с пуговицами.

— Это... это не подходящий разговор, — говорит он, но голос его изменился. Стал ниже. Глуше.

— А какой разговор подходящий? — Алиса садится на край его стола. Юбка задирается, открывая колени. Она не поправляет её. — Какой разговор вы бы хотели вести, профессор?

Он смотрит на её ноги. Потом переводит взгляд на лицо. Потом снова на ноги.

— Вам нужно уйти, — говорит он, но не двигается с места.

— Я не хочу уходить, — она наклоняется вперёд. Я вижу, как её пальцы дрожат, когда она касается его руки. — Я хочу, чтобы вы меня заметили. Пожалуйста. Заметьте меня.

Тина сжимает мой локоть. Её пальцы впиваются в кожу, но я не чувствую боли. Я смотрю на экран и вижу, как профессор сдаётся. Это происходит медленно, как разрушение старого здания: сначала трещина, потом осыпается штукатурка, потом рушатся стены.

— Ты красивая, — говорит он хрипло. — Ты всегда была красивой.

— Тогда покажите мне, — шепчет Алиса.

Он встаёт. Подходит к ней. Его руки касаются её плеч, и она вздрагивает. Но не отстраняется. Она смотрит ему в глаза, и я вижу, что страх уходит. Остаётся только желание, но не секса, нет. Желания быть видимой.

Он целует её. Сначала неловко, как подросток, который боится сделать больно. Потом увереннее, настойчивее. Его руки скользят по её спине, по груди, по бёдрам. Она позволяет. Она помогает. Она расстёгивает его рубашку, и я вижу его старое тело — обвисшая кожа, седые волосы на груди, живот, который когда-то был плоским.

— Он снимает, — шепчет Тина. — Смотри.

Алиса сползает со стола, опускается на колени. Её пальцы расстёгивают ширинку, и я вижу его член, полумягкий, с серой кожей, с прожилками, которые помнят молодость. Он смотрит на неё сверху вниз, и в его глазах читается благоговение. Как будто он смотрит на чудо.

Она берёт его в рот. Неумело, но старательно. Его руки сжимают её волосы, и он закрывает глаза. Он кончает быстро, с тихим стоном, и она глотает, не отрываясь. Потом поднимается, вытирает губы тыльной стороной ладони.

— Я сделала это, — говорит она. — Я существую.

Он смотрит на неё, и я вижу, как в его глазах умирает что-то важное. Стыд? Страх? Неважно.

— Уходи, — говорит он. — Пожалуйста, уходи.

Она уходит. Дверь закрывается.

Тина отключает приложение. Мы смотрим друг на друга. В её глазах триумф. В моих что-то другое, что-то, что я не могу назвать.

— Она справилась, — говорит Тина.

— Да, — отвечаю я. — Она справилась.

Через десять минут Алиса возвращается. Она стоит на пороге, и я вижу, как она изменилась. Сутулость исчезла. Очки съехали на кончик носа, но она не поправляет их. Она смотрит на нас не снизу вверх, а прямо. Взгляд взрослого человека, который только что убил свою невинность.

— Я сделала это, — говорит она. Голос не дрожит.

— Мы видели, — отвечаю я.

— Я хочу быть в клубе. Я хочу быть частью этого.

— Ты уже часть, — говорит Тина. Она подходит, берёт Алису за руку. — С сегодняшнего дня ты одна из нас.

Алиса улыбается. Впервые за весь вечер. И в этой улыбке вовсе не благодарность. Сила. Она почувствовала её вкус, и теперь не сможет забыть.

Позже, когда Алиса уходит, мы с Тиной остаёмся в аудитории одни. Свечи догорают, и их свет становится красным, как кровь. Я смотрю на маты, на которых лежали наши тени, и думаю о том, что мы создали.

— Ты веришь, что это помогает? — спрашиваю я. — Что мы делаем доброе дело?

— Я верю, что мы даём им выбор, — отвечает Тина. — Им никто никогда не давал выбора. Только мы.

— А что, если они выберут не то?

— Это будет их выбор. Не наш.

Я молчу. Я думаю о той ночи, когда я выбрала мечь. О той ночи, когда я стала хищником. О той ночи, когда я потеряла себя, чтобы найти себя.

— Ты сегодня какая-то странная, — снова говорит Тина. — Слишком философская. Много умничаешь.

— Может, мне пора на лекцию к тому профессору, — усмехаюсь я. — Узнать, что он думает о Канте.

— О, Кант не поможет. Он только запутает.

— А что поможет?

Тина подходит ко мне. Её лицо близко, я чувствую запах её духов, сладкий яд, который вьелся в мою кожу навсегда.

— Мы, — говорит она. — Только мы.

Она целует меня в щёку. Быстро, как сестра. Как друг. Как сообщник.

— Пошли спать, — говорит она. — Завтра новый день. Новые жертвы. Новые герои.

Я киваю. Мы выходим в коридор, и лампы дневного света снова делают нашу кожу мертвенно-бледной. Но мы знаем, что под этой кожей живое мясо. Которое помнит. Которое чувствует. Которое может всё.

Мы идём по коридору, и наши шаги звучат как выстрелы. Будущее. Настоящее. Прошрое. Всё смешалось в этом бетонном лабиринте, где двери закрываются за тайнами, а лампы горят, не согревая.

Но в комнате 423 нас ждёт тепло. Наше тепло. Двух тел, которые научились выживать. Двух хищников, которые выбрали стаю вместо одиночества.

Я открываю дверь, и мы входим. Внутри темнота, запах ацетона и наши кровати, которые мы иногда сдвигаем, чтобы спать рядом. Часто рядом.

Потому что волки не выживают в одиночку. Потому что даже самые страшные монстры нуждаются в том, чтобы кто-то был рядом. Потому что я — это она. А она — это я. И это единственная правда, которую я знаю.

Глава 2. Волчья стая

Университет после трёх — это место, где маски становятся видны невооружённым глазом.

Дневной свет уходит, лампы ещё не включились, и мир повисает в серых сумерках, которые не принадлежат ни дню, ни ночи. В этом освещении лица студентов превращаются в маски. Буквально. Я вижу, как у первокурсницы с филфака маска примерной отличницы трескается по краям, обнажая под ней панику перед экзаменом. У парня с экономического маска уверенного мачо сползает набок, и под ней появляется обычный мальчик, который боится, что его никто не полюбит. У преподавателя из физической лаборатории маска строгого учёного держится на честном слове, но сегодня она особенно тонкая, видимо, дома опять что-то случилось.

Я вижу всё это, потому что научилась смотреть. Не как нормальные люди — глазами. Я смотрю как хирург: разрезаю внешний слой, проникаю внутрь, нахожу то, что болит. Раньше этот навык помогал мне выживать. Я видела, кто опасен, а кто просто шумит. Теперь я использую его для другого: я ищу слабых. Тех, кто придёт к нам. Тех, кого мы сделаем сильными.

Но сегодня я смотрю не на маски. Я смотрю на Тину.

Она идёт рядом, и её шаги синхронны с моими. Мы тренировали это годами, хотя знакомы всего несколько месяцев. Ноги ставим одинаково широко, плечи развёрнуты одинаково, головы повернуты под одним углом. Мы выглядим как две копии одного человека, проявленные в разных негативах. Она в чёрном, я в сером. У неё длинные тёмные волосы, у меня светлые, собранные в хвост. Её лицо — острые углы и хищный прищур. Моё — гладкие линии и спокойствие, за которым ничего не стоит.

Вместе мы формула. Два плюс два равно страх. Два плюс два равно желание. Два плюс два равно власть, которая не нуждается в объяснениях.

Студенты расступаются перед нами. Это не метафора. Буквально: они делают шаг в сторону, когда мы проходим. Не потому что мы их толкаем. Потому что мы — это не они. Потому что они чувствуют: мы хищники, а они мясо. И даже если мясо не понимает, почему его трясёт, оно всё равно трясётся.

— Ты заметила? — спрашивает Тина.

— Что именно?

— Они смотрят на нас как на богинь.

— Богинь, которых боятся, — уточняю я.

— Богинь, которых хотят, — поправляет она.

Я усмехаюсь. Она права. Взгляды, которые нас провожают, разделяются на два типа. Женские — зависть, смешанная с надеждой, что мы заметим их и сделаем частью себя. Мужские — вожделение, смешанное со страхом. Они хотят нас, но боятся подойти. Потому что чувствуют: мы не те, кого можно взять. Мы те, кто берёт сам.

Коридор первого корпуса тянется бесконечно. Лампы наконец включаются, и свет режет глаза, мертвенно-бледный, ровный, безжалостный. В этом свете маски становятся ещё отчетливее. Я вижу девушку, которая красит губы яркой помадой, пытаясь скрыть, что её губы трясутся. Парня, который надел кожаную куртку, чтобы выглядеть крутым, но его плечи сжаты так, будто он ждёт удара. Преподавателя, который идёт с папкой под мышкой, и его спина прямая, но я знаю, что дома он сгибается над пустой кроватью, потому что жена ушла три года назад.

Мы проходим мимо них всех. Мы не смотрим. Мы — фокус, а они — размытый фон.

— Сегодня собрание? — спрашиваю я.

— В восемь, — отвечает Тина. — Алиса приведёт новенькую. С первого курса, психология. Говорят, интересная.

— Все интересные, пока не снимут маски.

— Ты сегодня циничнее обычного.

— Я всегда циничная. Просто иногда это заметно.

Тина смеётся. Её смех, как осколки стекла: звонкие, острые, опасные. Но я привыкла. Я уже давно не режусь об эти осколки.

Мы поворачиваем в столовую. Здесь свет другой, жёлтый, тёплый, как будто кто-то пытается создать иллюзию уюта. Но запах дешёвой еды и чужого пота перебивает любую иллюзию. Столовая — это место, где мясо питается мясом. Где студенты заглатывают макароны с сосисками, чтобы заткнуть голод, который на самом деле не в желудке. Где девушки едят одни салаты, потому что их маски требуют худобы. Где парни накладывают полные тарелки, потому что их маски требуют силы.

Мы берём кофе. Чёрный, без сахара, без молока. Горький, как всё, что мы любим. Садимся за столик у окна, откуда видно всю столовую. Это наш командный пункт. Отсюда мы наблюдаем за стаей.

— Вон та, — кивает Тина на девушку в углу. — Новенькая. Сидит одна, как будто боится, что её место займут.

Я смотрю. Девушка, первый курс, неопределённой внешности, та, которую не замечают в толпе. Она ест йогурт маленькими ложками, и каждое движение говорит: «Я здесь ненадолго. Я скоро уйду. Я не занимаю много места».

— Типичная, — говорю я.

— Идеальная, — отвечает Тина.

Я не спорю. Такие приходят к нам каждую неделю. Девочки, которые выросли, думая, что они лишние. Которые научились быть маленькими, тихими, незаметными. Которые верят, что если никто не смотрит, значит, их не существует. Мы даём им другое — мы заставляем их смотреть. На себя. На других. На мир, который их не замечал.

— Она пройдёт, — говорю я.

— Ты уверена?

— Все проходят, когда хотят жить.

Мы пьём кофе. Я смотрю в окно на улицу, где весенняя грязь смешивается с последним снегом. Где-то там, за бетонными стенами, есть другой мир — мир, где люди живут, а не выживают. Но я давно перестала завидовать. Потому что мой мир здесь. В коридорах, где лампы светят мёртвым светом. В комнате 423, где мы с Тиной спим рядом. В аудитории на четвёртом этаже, где мы превращаем овец в волков.

И в этот момент я замечаю его.

Он стоит в очереди за кофе. Невысокий? Нет, высокий. Просто он двигается так, будто пытается занимать меньше места. Это привычка тех, кто привык, что его присутствие нежелательно. Плечи чуть сведены вперёд, голова слегка наклонена, как будто он ждёт, что сейчас его ударят. Но в этом сгибании нет слабости. Есть что-то другое. Сдержанность. Контроль. Он знает, что может распрямиться, но не распрямляется, потому что не хочет привлекать внимание.

Но я уже заметила.

Его лицо неправильное. Слишком резкие скулы, слишком острый подбородок, слишком глубокие глаза. Такое лицо не вписывается в стандарты красоты, которые нам продают в журналах. В нём нет гладкости, симметрии, приятности. В нём есть что-то дикое, неодомащенное. Как у зверя, который вышел из леса и ещё не понял, что общество требует от него быть милым.

Его руки. Длинные пальцы, тонкие, но не хрупкие. Пальцы пианиста или хирурга. Или того, кто умеет вскрывать грудную клетку, не повреждая рёбер. Я смотрю на эти пальцы, и где-то внизу живота возникает тянущее чувство, но не вожделение, нет. Любопытство. Мне интересно, что они могут. Как они двигаются. Как пахнут. Как ощущаются на коже.

Я злюсь на себя за эту мысль.

— Ты смотришь, — говорит Тина.

— Я всегда смотрю.

— Ты смотришь на него.

Я перевожу взгляд на неё. В её глазах тот самый огонь, который я видела, когда она впервые вошла в мою комнату. Только теперь он направлен не на меня.

— Ты тоже, — замечаю я.

Она не отводит глаз. Не отрицает.

— Интересный экземпляр, — говорит она спокойно, как будто мы обсуждаем новый материал для клуба.

— Он не для клуба.

— Почему?

— Потому что клуб для девушек. Для тех, кого сломали. Для тех, кому нужно стать сильнее. А он мужчина. Ему не нужно наше спасение.

— Откуда ты знаешь? Может, ему тоже нужно.

— Мужчинам не нужно то, что есть у нас. У них есть всё.

— Ты так думаешь?

— Я так знаю.

Тина не спорит. Но я вижу, как она смотрит на него, не как на объект для игры, не как на пешку. Как на человека. Как на то, что её зацепило. И это зацепление — трещина в её броне. В нашей броне.

Я смотрю на него снова. Он получил кофе, отходит от стойки. И в этот момент его взгляд встречается с моим. Не с нашим, а именно с моим.

Он смотрит не как другие парни. Не с вожделением, которое сразу видно — расширенные зрачки, приоткрытый рот, напряжение в теле. Он смотрит с любопытством. Как будто мы не тела, не мясо, не трофеи. Как будто мы текст, который он хочет прочитать. Сложный текст, с подтекстом, с метафорами, с намёками. И он не уверен, что поймёт его с первого раза.

Я отвожу взгляд первой. И злюсь на себя за это.

— Он идёт сюда, — шепчет Тина.

Я поднимаю глаза. Он действительно идёт. Прямо, без обычных уловок, не кружит вокруг, не делает вид, что ищет свободный стул. Просто идёт к нашему столику, как будто это самое естественное в мире. И в этой прямоте есть что-то, что заставляет меня выпрямить спину.

Он останавливается напротив. Ставит кофе на стол, но не садится. Смотрит на нас по очереди, сначала на Тину, потом на меня. Его глаза тёмно-серые, почти чёрные, как грозовое небо.

— Я знаю про ваш клуб, — говорит он. Голос низкий, спокойный. Без вызова, без подобострастия. — Я хочу вступить.

Я усмехаюсь. Это получается само собой. Простая механическая реакция, которую я отработала для таких случаев.

— Это женский клуб, — говорю я. — Тебе это не нужно. Ты мужчина. Тебе и так всё дано.

Он не реагирует на усмешку. Не обижается. Не злится. Просто смотрит на меня, и в его взгляде я вижу то самое любопытство, которое заставило меня отвести глаза минуту назад.

— Вы ничего обо мне не знаете, — говорит он. — Как и я о вас. Но я хочу узнать.

— Мы не экскурсоводы.

— Я и не прошу экскурсию. Я прошу шанс.

Тина молчит. Я чувствую её присутствие рядом, напряжённое, как струна. Она не вмешивается, но я знаю, что она на стороне этого парня. Что её глаза загорелись, когда он сказал

«я хочу вступить». Что она уже придумывает ему задание, ищет его слабые места, просчитывает, как он будет ломаться.

Я не дам ей этого.

— Шанс получить можно, — говорю я холодно. — Но не здесь. Наш клуб не для мужчин. Это правило не обсуждается.

Он кивает. Без спора, без попытки переубедить. Просто кивает, как будто услышал то, что хотел услышать, и теперь уходит, чтобы подумать.

— Вы ничего обо мне не знаете, — повторяет он. — Но я надеюсь, что когда-нибудь узнаете.

Он забирает свой кофе и уходит. Идёт к выходу, и я снова вижу, как он пытается занимать меньше места. Но теперь это сгибание кажется мне не слабостью, а чем-то другим. Выбором. Он мог бы распрямиться, занять всё пространство, как делают другие мужчины. Но он не хочет. Он не хочет быть как другие.

Тина смотрит ему вслед. Я смотрю на Тину.

— Не надо, — говорю я.

— Что не надо?

— Смотреть на него так.

— Как?

— Как на того, кто нам нужен.

Она поворачивается ко мне. В её глазах теперь вызов.

— А если он нам нужен?

— Не нужен. У нас есть клуб. Есть девушки, которых мы делаем сильными. Есть мы. Нам никто не нужен.

— Ты так говоришь, будто боишься.

— Я не боюсь.

— Боишься, — она наклоняется ближе, и я чувствую запах её духов, тот самый сладкий яд, который теперь смешивается с горечью кофе. — Ты боишься, что он окажется не таким, как другие. Что он сможет нас понять. Что мы потеряем контроль.

— Контроль — это единственное, что у нас есть.

— Может, поэтому нам и нужен кто-то, кто поможет его потерять.

Я молчу. Потому что она права. Но я не скажу ей этого. Никогда.

Вечером, когда мы возвращаемся в комнату 423, я всё ещё думаю о нём.

О его лице — резком, неправильном, диком. О его руках — длинных пальцах, которые, наверное, умеют играть на пианино. Или вскрывать грудную клетку. Или гладить кожу так, что она покрывается мурашками.

Я злюсь на себя. Потому что эти мысли — предательство. Не Тины — нас. Того мира, который мы построили. Мира, где нет места мужчинам. Где мы будто центр вселенной. Где наша сила рождается из того, что мы не нуждаемся ни в ком.

Но его лицо стоит перед глазами. Его голос низкий, спокойный, звучит в ушах. «Вы ничего обо мне не знаете». Да, я ничего о нём не знаю. Но я хочу узнать. И это желание — трещина в броне. А трещины ведут к смерти.

Я ложусь на кровать, смотрю в потолок. Тина рядом. Она уже разделась до белья и лежит на своей кровати, но я знаю, что она тоже не спит. Я слышу её дыхание, неровное, прерывистое. Она думает о нём. Я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.